

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Ты родился дважды в этот мир, малыш,
И в него ты выйдешь заврочеловеком
Из гнезда, в котором спрятавшись сидишь.*

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Навсегда запомни, заврочеловек:
Как звезда двойная в предрассветном небе —
Жизнь твоя одна, но вдвое долг век.*

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Два желтка яичных в скорлупе одной.
От гнезда родного до ступеней храма
Поведет по жизни путь тебя земной.*

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Два кусочка ткани крепко сшила нить.
Встретишь ты судьбу свою под священным деревом
И на зов ее ты должен поспешить.*

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Вдвое стань сильнее в жизни и в бою.
Знай, что хорошо, не делай то, что плохо,
И храни на сердце песенку мою.*

«Слова мудрой женщины»
(Старинная народная песенка с прихлопами)¹

---

¹ Перевод К. Молькова. (Здесь и далее примечания редактора.)

1

Грейс и Франклин

~ Картер, ее чудесный сыночек ~

Кото Ламу, Вокам, острова Ару,
провинция Малуку в Восточной Индонезии, 1921

Грейс Кингсли проснулась от испуга и убрала с лица прядь влажных волос. Ей показалось, что хижину сильно тряхнуло. И в самом деле, в тонкую стену, сложенную из пальмовых стволов и досок, снова кто-то ударил. Грейс села на жесткой кровати и протерла глаза. Ребенок мирно посапывал рядом, его маленькая грудь ритмично вздымалась.

Хижина была наполнена сырым, тяжелым воздухом, который медленно колыхался после каждого налета муссона. Сквозь щели в стенах виднелось вечернее темно-оранжевое небо.

— Грейс, ты проснулась? — спросила с порога Яра, зажигая фонарь.

— Вроде да. — Грейс медленно подвернула под себя ноги и ласково погладила нежную щечку Картера, ее чудесного сыночка. — Франклин вернулся?

— Пока нет. Ты голодна? У меня есть тушеная рыба, — предложила Яра.

— Спасибо, Яра, позже. Знаешь, я подумала, что началось землетрясение.

— Нет-нет, все спокойно. Это проказничают Джанти и другие килосы. Негодники выбрались из загона и вздумали устроиться под хижинкой. Сегодня завров так и тянет играть. Пока ты спала, сюда влетели три риптуса — мне пришлось отгонять их от малыша.

Завернутый в пеленку младенец пошевелился, выныривая из глубокого сна, и заморгал.

— Ну, покорми своего сыночка. — Яра улыбнулась и ушла.

Вскоре оранжевые полосы солнечных лучей потускнели. Возле хижины послышались голоса. Грейс напрягла слух, пытаясь угадать их обладателей, но люди щебетали на местном языке. Потом один басовитый голос перешел на английский:

— Они снова сбежали! Я хорошо помню, что запер ворота, когда пригнал их с пастбища в загон. Что они вытворяют?!

— Они залезли под хижину. Наверное, слышали детский плач и захотели поглядеть на ребеночка, — пошутила Яра.

— Не говори глупости — мальчуган еще ни разу не заплакал. Я даже сомневаюсь, что килосы или наши соседи догадываются

о его существовании. Завров всю ночь что-то пугало. Знаешь, когда я шел в Новый город, я видел на краю джунглей тенезавров — они никогда еще не подходили так близко к Старому городу.

— Я посадила короткорогих тритопсов в загон к килосам. Но ты все-таки почаще проверяй их, а то они снова сбегут, — сказала Яра. — Франклин не с тобой?

— Я посоветовал ему остаться в городе, хорошо провести вечер и выспаться в гостевом доме. Когда я уходил, он разговорился с еще одним белым. Они вроде бы подружились и выпили в честь новорожденного.

Хижина внезапно пошатнулась, подвешенная к потолку лампа заходила ходуном, по стенам заплясали тени. Билло, ругаясь, выскочил на улицу в сгущавшиеся сумерки.

— Хватит тереться о стену, неуклюжий чурбан! — Остальные слова он произнес на местном диалекте.

Внимание Грейс снова вернулось к Картеру, ее маленькому сыночку, который теперь высвободил ручонки и потянулся, сытый и довольный, не обращая внимания на шум и крики. Грейс взяла его ладошки в свои, похлопала ими и запела старинную песенку:

*Косточка блестящая, камешек искристый,
Ты родился дважды в этот мир, малыш,
И в него ты выйдешь заврочеловеком
Из гнезда, в котором спрятавшись сидишь.*

* * *

Новый город, казалось, уже привык видеть у себя пеструю толпу моряков и ловцов удачи. Франклин, сидя с кружкой пива у барной стойки, мало-помалу разговорился с единственным европейцем, который случайно оказался рядом. Возле окна шумела и перекрикивалась на разных языках компания картежников.

— А сам ты откуда, Лампрехт? — поинтересовался он у своего собеседника.

— Из Кёнигсберга, Пруссия. И пожалуйста, зови меня Ламберт, так гораздо проще.

— И не походит на немецкое имя? Думаю, многие хотят забыть войну. У меня есть хороший друг Тео — так он мысленно до сих пор еще воюет.

— Да — и это тоже. Но мне вообще никогда не нравилось имя Лампрехт. Оно нелепое. А вот Картер — дело другое, чудесное имя. Я уверен, мальчика ждет интересная жизнь путешественника и исследователя. — Ламберт поднял кружку. — Ну, выпьем за Картера!

Франклин просиял и чокнулся с Ламбертом.

— За Картера! Ламберт, у тебя есть дети? — поинтересовался он, ставя кружку на стойку.

— Нет. — Ламберт покачал головой.

— Тебе это неинтересно или, может, ты еще не встретил хорошую женщину? — допытывался Франклин. За последние сутки он испытал невероятные эмоции. Впервые подержав на руках

новорожденного сына, он чувствовал такое воодушевление, что не мог думать о правилах вежливой беседы. И сейчас, разговаривая с незнакомцем, он даже забыл про осторожность, что было ему несвойственно.

Его собеседник тяжело вздохнул:

— Нет. Я женат и очень счастлив. Но у нас нет детей, и нас это устраивает. Мой родной отец был... далек от совершенства, мягко говоря.

Франклин явно заинтересовался.

— Расскажи, — попросил он, откидываясь на спинку стула.

Ламберт немного помолчал, подыскивая слова.

— У меня было пятеро братьев — один из них мой близнец, — и все были более рослыми, сильнее и умнее меня — другими словами, любимцами отца. Я рос болезненным, и детские годы были для меня не самым хорошим временем. Меня отправляли одного дышать чистым альпийским воздухом.

Погрузившись в воспоминания, Ламберт отхлебнул пива из кружки.

— Мой брат-близнец погиб в семилетнем возрасте, — продолжил он. — Из-за ужасного несчастного случая. Мать умерла вскоре после него. Охваченный горем отец обвинил меня в смерти матери и отправил в пансионат в Англию. — Ламберт замолчал и долго глядел в свою кружку. — Домой я вернулся уже юношей и оказался для всех в семье совершенно чужим.

Франклин не знал, что и сказать. Он понимал, что ему не стоит копаться в трагическом прошлом нового знакомого. Смерть

брата-близнеца, вероятно, окрасила мрачными красками всю его жизнь.

— Отец даже не пытался сблизиться со мной, — произнес Ламберт, выпрямляясь. — Он предоставил мне возможность идти своим путем, хотя братьям всячески помогал — они занимали важные места в его фирме. Братья пошли на войну, а я пропустил призыв. Когда они с триумфом вернулись домой, отец приблизил их к себе — всех, кроме меня.

Ламберт со слабой улыбкой посмотрел на внимательно слушающего Франклина.

— Потом на глазах отца, к несчастью, один за другим умерли все, кто был ему дорог. Все мои братья ушли из жизни раньше срока. Всем им не повезло. В конце концов отцу пришлось заметить меня, ведь я остался единственным из его сыновей. Он был суров ко мне. Он говорил всем, что я ни на что не гожусь и ничего не добьюсь в жизни, хотя у меня к тому времени уже были кое-какие достижения. Он не выпускал из рук семейный бизнес даже в старости и немощи. Но однажды все переменялось.

Ламберт достал из кармана портсигар и предложил сигару Франклину. Тот отказался.

— Дом моего отца сгорел вместе с ним самим, — сказал Ламберт и, щелкнув зажигалкой, посмотрел на язычок голубого пламени. Он закурил. — Мне досталось все, — тихо проговорил он и выдохнул колечко дыма. — Я был шестым сыном и не мог даже надеяться, что унаследую отцовский титул виконта. Но я пережил всех. Хоть и был от рождения самым слабым.